

ЛИТЕРАТУРА

*Всероссийская
олимпиада школьников*

11 класс
II (муниципальный) этап
2021

Уважаемый участник олимпиады! Вам предстоит выполнить задания олимпиады. Время выполнения заданий – 6 академических часов (270 минут). Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;
- обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
- не забывайте, что единственно верного ответа нет – важнее, чтобы ответ соответствовал заданию и критериям, опираясь на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;

– после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальная оценка – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое). Целостный анализ текста (поэтического или прозаического – по выбору участника олимпиады (Установочные вопросы не требуют обязательного ответа. Выбор путей рассмотрения текста осуществляется участником олимпиады самостоятельно.)

Поэтический текст: 1) Можно ли установить связь этого поэтического текста с каким-либо литературным направлением, и если да, то в чем эта связь выражается? 2) Чем определяется конфликт, движущий действие произведения, и как он развивается? 3) Кем (чем) представлены стороны этого конфликта? 4) Как может быть охарактеризована авторская позиция по отношению к тому, что происходит в поэме? 5) Каковы языковые особенности блоковской поэмы?

Прозаический текст: 1) В чем заключается основная мысль (идея) рассказа Е. Носова, какие художественные средства используются для ее выражения? 2) Как строится образ девочки-певуньи? 3) Какую роль в произведении играет экспозиция (блуждание повествователя с приятелем в лесу)? 4) Можно ли считать, что в рассказе представлен образ России? 5) Какие характерные для русской литературы темы затронуты в этом рассказе?

Александр Блок

СОЛОВЬИНЫЙ САД

1

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.
Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, – и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он, – отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги – прохладный
И тенистый раскинулся сад.
По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листья.

Крик осла моего раздаётся
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеётся,
И потом – отойдет и поет.
И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2
Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, бедный:
«Что, хозяин, раздумался ты?»
Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только все неотступнее снится
Жизнь другая – моя, не моя...
И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?
Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решеткой мелькает резной.
Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.
И в призывном круженье и пенье
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3
Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночную, за знойною мглой.
И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня – таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой,
Убегающей в синюю муть.
И томление все безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.
Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?
А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4
Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна.
Не стучал я – сама отворила
Неприступные двери она.
Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.
Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.
Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном моем.

5
Пусть укрыла от дольного горя
Утонувшая в розах стена, –
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!
И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг – виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...
И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
«Что с тобою, возлюбленный мой?»
Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6
Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети, –
Ей пригрезился сон про меня.
Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!...
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.
Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.
Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.
И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

Путь знакомый и прежде недлинный
 В это утро кремнист и тяжел.
 Я вступаю на берег пустынный,
 Где остался мой дом и осел.
 Или я заблудился в тумане?
 Или кто-нибудь шутит со мной?
 Нет, я помню камней очертанье,
 Тощий куст и скалу над водой...
 Где же дом? – И скользкой ногою
 Спотыкаясь о брошенный лом,
 Тяжкий, ржавый, под черной скалою
 Затянувшийся мокрым песком...
 Размахнувшись движеньем знакомым
 (Или все еще это во сне?),

Я ударил заржавленным ломом
 По слоистому камню на дне...
 И оттуда, где серые спруты
 Покачнулись в лазурной щели,
 Закарабкался краб всполохнутый
 И присел на песчаной мели.
 Я подвинулся, – он приподнялся,
 Широко разевая клешни,
 Но сейчас же с другим повстречался,
 Подрались и пропали они...
 А с тропинки, протоптанной мною,
 Там, где хижина прежде была,
 Стал спускаться рабочий с киркою,
 Погоняя чужого осла.

6 января 1914 – 14 октября 1915

Евгений Носов

ДЁЖКА

Заплутались мы было в мрачноватом Жерновецком лесу: сунемся по одной дорожке – завал, ветролом навалаял старых, трухлявых осин; свернем на другую – уходит в низкий, сырой распадок, заросший мелкой кабаньей чащобой. В какой уже раз хватались за лопату, крошили сухостой, гатили провальные колеи, залитые черной сметаной, и так угваздались колесными выбросами, что и сами стали походить на лешаков. От долгой и бестолковой возни с машиной мы почти не разговаривали, из колеи несло удушливой сернистой вонью, источаемой, казалось, самой преисподней, а тут еще лес давил на нервы своей равнодушной, глухой, колодезной замкнутостью пространства, в котором резкий, разносимый эхом сорочий вскрик еще больше порождал щемящее чувство непролазного одиночества.

Родившись на открытых холмах, я с детства ощущал себя в лесу лишь гостем, робким и присмирившим, озираясь, невольно ожидал какой-то таившейся внезапности, а шлепки переспелых желудей, падающих с дубов на сухую подстилку, чудились мне вкрадчивыми шагами. Это потом закрепилось на всю жизнь, и я не смог бы поселиться в лесу добровольно, как живут, скажем, костромские молчаливые лесовики, довольствуясь всего только клочком неба над избушкой.

Мне же подавай небеса от края и до края, всю их устоявшуюся погожую синь

или всю уймаищу облаков, которые вдруг объявятся у горизонта и потом, гонимые дохнувшей прохладой, много дней подряд бредут и бредут разрозненно и вольно, будто нескончаемые небесные овны. Или же апокалипсическое боренье туч-великанов, косматых, встрепанных, волочащих по земле изодранные рубища, в порыве титанических страстей подминающих одна другую с утробным и натужным ворчаньем и вдруг потрясающих вселенную громовым многообвальным хохотом, от которого и на тебя, застигнутого ливнем ничтожно малого существа среди необъятности земли и неба, нисходит возвышающая душу причастность к буйству стихий. И ты счастлив, что испытал и пережил такое. Может, потому и не терплю я плотных заборов, теснящей дачной огороженности, за которой всегда мнится чье-то незримое око, и убежден, что никакая душевная песня не сможет зародиться в лесу, в загороде, а только там, где «степь да степь кругом» и «далеко, далеко степь за Волгу ушла...».

И когда наконец выбрались из лесу и, заглушив издерганный и перегретый мотор, взбежали на ближайшую горюшку и повалились на залитую солнцем упругую траву, мы распростали свои тела с таким блаженством, какое испытал, наверное, толстовский Жилин, вырвавшийся на свободу. После сырого сумеречного леса здесь, на высоком полевым угоре, было необыкновенно

светло и просторно, над нами бездонно и умиротворенно млело вечеряющее небо, а в придворных клеверах и кашках размо- ренно и упоенно стрекотали кузнечики и каждая былка, каждый полынок и богород- ничек, обласканные теплом и светом, ще- дро источали свои сокровенные запахи, ко- торые подхватывал и разносил окрест су- хой, прогретый ветер.

Мы не знали, где находимся, в какое место выехали, но из всего того, что нас окружало – из простора, горьковатого вея- ния трав и сияния солнца, – возникло успо- каивающее чувство дома и родины, и мы беспечно задремали.

Поначалу показалось, будто это причу- дилось мне во сне, но когда я открыл глаза и снова увидел живое небо, стало отчетли- во слышать детский голосок, звеневший бесхитро и ломко:

И без страха отряд поскакал на врага,
Завязалась кровавая битва...

Я приподнялся над травами: неподале- ку, в сизом от ягод терновнике, бродили коровы, трещали ветками, прочесывая бока о колючий кустарник, а чуть поодаль, вер- хом на крепком чернявом коньке, в само- дельном тряпичном седле восседал годов десяти пастушонок. На нем была синяя школьная олимпийка и мягкая буденовка с большой красной звездой. Не замечая нашего присутствия, вдохновляемый про- стором и вольным безлюдьем, он-то и рас- певал во всю мальчишескую мочь, никого не стесняясь:

Он упал возле ног вороного коня
И закрыл свои карие очи...
«Ты, конек вороной, передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих...»

Я встал и пошел расспросить про доро- гу. Завидев меня, заляпанного лесной гря- зью, пастушок оборвал песню, диковато набылчился. И только вблизи я разглядел, что из-под буденовки торчали девчачьи со- ломистые косицы, оплетенные голубыми лентами.

– Не бойся, – сказал я как можно друже- любней. – Это я в лесу так выпачкался. Машину толкал... А я думал, ты – мальчиш- ка... Тебя как зовут-то?

Пастушонка хотела было отвечать, но, поизучав меня с высоты седла серыми без-

бровыми глазами, не удержала-таки стро- го- сти и вдруг широко, конопато воссияла:

– Дёжка я.

– Как это?

– Ну, Надежда. А если по-простому, то Дёжка.

– А-а, теперь ясно. Значит, чья-то надежда. Мамкина небось?

– Ага, – просто согласилась пастушонка.

– И папкина?

– А папки нету.

– Ах, так... – смутился я.

Молодой конь нетерпеливо переступал передними ногами, повитыми бугристыми жгутами мышц, отмахивая мух, гулко бил по животу задним копытом, с волосяным посвистом сек себя хвостом, нервно подер- гивал холкой, и темная шелковистая шкура на нем антрацитно лоснилась, играла на солнце живыми слепящими бликами. От коня крепко, хорошо и почти забыто пахло здоровой силой (как давно не был я вот так рядом с лошадьё, какой неожиданный пласт воспоминаний всколыхнула ее бли- зость!..), и, счастливо хмелея от этого кон- ского духа, я дружески взял конька, бес- престанно мотавшего мордой, под само- дельные веревочные уздцы. Конь не по- терпел моей руки и норовисто дернул и вырвал уздечку, едва не свалив меня с ног. Дёжка, однако, чувствовала себя на его не- спокойной, ходившей ходуном бочкоподоб- ной спине вполне уютно и непринужденно, будто прилипшая к телу муха.

– Значит, пастушничает?

– Ага.

– По очереди?

– А я и вчера пасла, и позавчера... Ка- жин день.

– Что так?

– Люди за себя просят. Кто заболел, кому просто день нужен. Вечером посту- чатся: Дёжка, попаси за меня завтра. Да и мамка говорит: уважь, доча. Чего зря дома сидеть? А у меня каникулы. Ну я и соглас- на. Не за так, конечно.

– За что же?

– А-а, не знаю... Мамка сама договари- вается. Говорит, теплые сапожки к зиме в школу надо и платок. А я лучше б проигры- ватель...

– А не боязно тебе здесь?

– Не-к!

– Ну, одна все-таки...

– Я не одна, я – с конем...

– Да, хороший у тебя конек. – Я протя- нул было ладошку, чтобы потрепать по

гривастой шее, но конь так недобро, неприязненно покосился закровенелым глазом, что я невольно убрал руку.— Как зовут-то?

— Никак... Просто конь, и все.

— Ну, как это — просто конь? У каждой лошади должно быть имя. Ведь оно в колхозной инвентарной книге значится.

— А он в колхозе не живет.

— То есть как это — не живет? А где же?

— А нигде...

— Как же так—нигде?

— Так вот... Где ночь застанет, там и ночует. Это мамка его заловила и на двор к нам привела. Хлебца, хлебца ему — он и зашел. Потому как мне пасти надо. Без коня пасти уморно, не сдюжаешь. Поначалу мамка на него мешок с картошкой клала, чтоб привык. Сперва маленько насыпала, а потом побольше, потяжелей. А там и я залазить научилась. А больше никого не подпускает. Я мамке говорю, давай насовсем себе оставим. Нет, не хочет, говорит, не выдумывай. Вот до школы попасешь, а там и отпустим.

— И как же зимой, где он будет?

— А нигде... В поле...

— Один?

Дёжка неопределенно передернула плечами и посмотрела поверх меня, куда-то далеко.

— Ну, а пасти коров не скучно ли?

— Не-к... Мне нравится. Кругом — воля. Далеко видать. Самолеты летают, ленты по небу делают. Облака разные: только что было такое, а отвернулся — оно уже по-другому. А вчера цапли летали. Четыре штуки. Высоко-высоко. И все — кругами... А ещё хорошо песни петь. Въедешь на горку, глядишь-глядишь вокруг — красота! Так бы и полетела... Ну, полететь не полетишь, а покричать охота. Песни сами находят.

— И какие же?

— А всякие.

— Ну, а все-таки?

— «По Дону гуляет...» — слышали такую?

— Казак молодой?

— Вот-вот! — обрадованно закивала Дёжка.— Эту. А еще — «Выхожу один я на дорогу», знаете?

— А как же!

— «Белеет парус одинокий»?

— Тоже знаю.

— «Пуховый платок»?— теперь уже Дёжка экзаменовала меня.

— Знаю.

— А про калину?

— «Что стоишь качаясь»?

— Не-е! — торжественно засмеялась она.— То про рябину. А про калину так...— И она, придав лицу строгую отрешенность, напомнила голосом:

Калина красная, калина вызрела,

Я у залеточки характер вызнала.

Характер вызнала, характер он такой:

Я не уважила, а он пошел с другой...

— Да, это совсем другая,— рассмеялся я.— И откуда ты все это берешь?

— От бабушки. «Позарастали стежки-дорожки», «Зачем тебя я, милый мой, узнала» — это я от бабушки. Она у нас не ходила, все лежала. И голосу почти не стало. Едва слышно. А все равно пела мне. Возьмет за руку и тихо так напевает... Полежит-полежит, отдохнет и еще споет. Это, говорит, чтобы ты меня помнила... А и верно, я все ее песни помню, ни одной не забыла...

— Теперь уже не забудешь никогда.

Дёжка внимательно посмотрела на меня, осмысливая мои слова.

— Вот... А «Калину красную» — эту я уже без бабушки, по телевизору. А еще Аллу Пугачеву знаю.

— «Все могут короли»?

— Ага! — кивнула Дёжка.

— Нет, бабушкины песни лучше.

— А то еще про маэстро,— и пояснила скороговоркой: «Я в восьмом ряду, в восьмом ряду...»

— Покажи-ка нам все-таки, — перебил я Дёжку,— как на большую дорогу выбраться. Не пойму, куда мы заехали.

— А тут недалеко. Сейчас покажу,— готовно согласилась она.— Вы только за мной поезжайте.

Я крикнул своим, чтобы сошли к машине. Насунув покрепче буденовку, взмахивая оттопыренными локтями в лад гулкому на сухой убитой дороге копытному скоку, Дёжка пустила конька впереди нас.

На маковке холма конь нетерпеливо затанцевал и зафыркал от нахлопов рядом работающего мотора, а она, натягивая поводья и обводя взглядом открывшиеся окрестности, принялась пояснять:

— Во-он, видите, от леса лог пошел?

— Так, так...

— Там наша речка Виногробль начинается.

— Ага, ага...

— Ее нигде не переедете до самой плотины.

– Так, а как же на плотину попасть?
– А вы вон по той кукурузе ступайте. Все прямо и прямо. Там дорога ведет на плотину.

– Ну, спасибо тебе, Дёжка! – помахал я рукой в открытое автомобильное оконце.– Хорошее у тебя имя! Ты и впрямь мамина надежда.

Дёжка, раскачиваясь на вертлявом, никак не желаящем стоять коньке, смущенно и счастливо заулыбалась.

– В нашем селе не я одна, – прокричала она.– Многих девочек так называют. И маму мою Надеждой зовут.

– Вот как!

– Это, сказывают, еще от Надежды Васильевны пошло. По ее имю.

– Кто такая? Какая-нибудь колхозная знаменитость?

Дёжка ответила что-то, но нетерпеливый конь заплясал, застучал копытами и вдруг понес ее прочь от машины.

Я еще раз помахал ей рукой.

За кукурузой, по ту сторону холма, вдруг открылось большое, широко раскинувшее-

ся село с целой системой прудов по логом и развилкам, позолоченно блестящих при закатном солнце. И по этим давно мне знакомым прудам я догадался, что перед нами знаменитое Винниково.

– Братцы! – крикнул я.– Это же Винниково! Да, это отсюда почти век назад вывезли на неуклюжей крестьянской колыхаге четырнадцатилетнюю девочку, обладавшую удивительным голосом, дабы по бедности определить ее за монастырские харчи в хорошее пение. Оттуда она вскоре бежала в большой песенный мир, к Собинову и Шаляпину, чтобы стать Надеждой Плевицкой.

И уже на большой асфальтированной дороге, перебирая впечатления минувшего дня, вспомнил, что и знаменитую певицу в босоногом винниковском детстве тоже кликали Дёжкой...

Нет, все же есть, есть что-то песнотворное в этих открытых небу и ветру холмах!

1970-е гг.

Принципы оценки аналитического задания

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя **четырёхбалльной системе**: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале «в районе» 30 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр-оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 30 баллов.**
Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. **Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15**

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок).

Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается.

Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов. **Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5**

Итого: максимально – 70 баллов

N.B. Направления для анализа и установочные вопросы, предложенные школьникам в задании, носят рекомендательный характер; их назначение лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней исключительно размышлений по предложенным направлениям.

ЗАДАНИЕ 2 (творческое). В литературе интерьер (описание внутреннего пространства помещения) часто является средством характеристики персонажа, обитателя этого помещения (см., например, интерьеры петербургского и деревенского домов Онегина в романе А.С. Пушкина, описание квартиры Обломова в одноименном романе И.А. Гончарова, комнаты Раскольниковова в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского и т.д.). Опишите интерьер дома Дикого (пьеса А.Н. Островского «Гроза») или квартиры Паратова (пьеса «Бесприданница»), руководствуясь представлениями о времени действия, о социальной среде, к которой принадлежат персонажи, об их нравственно-психологическом облике. Примерный объем текста – 100-150 слов.

К р и т е р и и о ц е н к и т в о р ч е с к о г о з а д а н и я

1. Знание и понимание особенностей времени и социальной среды, к которой принадлежат персонажи произведения. **Шкала оценок: 0 – 3 – 6 – 8. Максимально 8 баллов.**

2. Знание и понимание нравственно-психологических черт характеров и вкусов персонажа (Дикого или Паратова). **Шкала оценок: 0 – 3 – 6 – 8. Максимально 8 баллов.**

3. Значимость и выразительность предметов обстановки, характеризующих персонаж. **0 – 3 – 6 – 8. Максимально 8 баллов.**

4. Владение грамматическими нормами и культурой письменной речи. **Шкала оценок: 0 – 2 – 4 – 6. Максимально 6 баллов.**

Итого: максимально – 30 баллов.

Итого за всю работу: максимально – 100 баллов.